

Старая медная табличка на входной двери с выгравированными фамилиями МИРОНОВА. МЕНАКЕР вызывает секундное замешательство, как бы предупреждает — спокойнее, сударь, не торопитесь, настройтесь на размеренный, увы, почти совершенно забытый старомосковский лад. Настроились? Ну-с, хорошо. Вот теперь звоните...

В коридоре поблескивают стеллажи книг, на стенах — фотографии. С них смотрят знакомые лица — цвет культурной, театральной, музыкальной жизни нескольких десятилетий. Фотографии подписаны. Вот размашистая подпись Фанни Георгиевны Раневской, рядом мелкий бисер Семена Степановича Гейченко... Для нас имена эти — легенда, а для Марии Владимировны Мироновой — добрые, хорошие знакомые, часть жизни. Только почему часть? Шестьдесят лет на сцене — это, пожалуй, целая жизнь. Яркая, интересная, отданная искусству жизнь!

— Да, действительно шестьдесят лет — с 1927 года я на сцене. Начинаешь вспоминать и думаешь — а ведь кое-что повидала, чему-то порадовалась. Довелось увидеть такую блестящую эстрадную жизнь, что, откровенно говоря, мне даже жалко сегодняшних зрителей.

— Да и зритель, наверное, изменился? — Увы. Образование, вероятно, стали, а вот культурнее — нет. Я уж не говорю интеллигентнее. Интеллигентность за редкими единицами не встречается совершенно.

Помню, как раньше зрители собирались на концерты, как они заранее готовились, празднично одевались. Все это только на первый взгляд не имеет значения. Еще как имеет! В дни моей молодости шли на концерт, как сегодня ценители идут, скажем, слушать Рихтера.

Хотя, конечно, жизнь нынешняя не располагает специально готовиться к чему-то. Поток информации огромен. В каждой семье телевизор, много интересных журналов и газет (я сама не успеваю читать то, на что подписалась, а подписалась практически на все, ну, правда, за исключением того, на что не подписалась). А в основном концерты начинаются в семь, при том что работа заканчивается в шесть или в половине седьмого. Но надо же еще в магазины успеть, а в магазинах, сами понимаете, — либо нет ничего, либо очередь огромная. Авоськи в гардероб не принимают, вот наш зритель набегаются, в очередях нанервничается, потом придет на концерт, авоську в ноги поставит, чтобы колбасу не отняли, и смотрит на сцену. Разве это нормально?

И тем не менее и от зрителя можно и должно требовать. Что такое сцена? Площадка, расположенная выше зрительного зала. Значит, мы зрителя как бы поднимаем к себе, а не опускаемся к нему. Знаете, как руководящие товарищи говорят — народ это любит, это не любит. А то, что и человек с тремя классами образования, и академик Лихачев — один народ, об этом почему-то не задумываются. Не надо обижать людей.

— А вы считаете, современная эстрада обижает?

— Считаю. Вот недавно прочла, что в США 1.200 симфонических оркестров, а у нас чуть больше пятидесяти. Зато все наводнено похожими друг на друга рок-ансамблями. Или посмотрите на наших эстрадных певцов! До чего они однообразны, подражательны, безлики. Есть три, четыре, ну, пять индивидуальностей — не маловато ли? А ведь свой стиль должен иметь каждый исполнитель. Что такое эстрада? Прежде всего праздник индивидуальности. А наши певцы смотрят, смотрят изо всех сил, как у них на Западе. Какая там длина юбки, такая сразу у нас, если там лохматые, держитесь! — мы будем еще «лохматее». Но, главное, им хочется выглядеть непременно раскованными, хотя они плохо двигаются и раскованными быть не могут. Для того чтобы на сцене казаться свободным, надо, во-первых, двигаться идеально, а во-вторых, быть свободным внутри, от природы.

— Но разве, допустим, Алла Пугачева не раскованна от природы?

— Пугачева и раскованна, и индивидуальность, и очень одаренный человек. Но ей в первую очередь не помешал бы наконец хороший режиссер. Вот когда бы она засверкала всерьез. Но, возможно, ей уже поздно иметь режиссера, потому что она — Пугачева.

таешь смотреть на них с утра и до вечера? — Но, вероятно, они выступают для своего зрителя, который их принимает?

— Да, их всех абсолютно одинаково принимают, всем одинаково хлопают. Нет такой завалящей группы, которой бы молодежь не хлопала с выпученными глазами и не выла бы при этом от восторга. Но то, что в искусстве считается хорошо, того много не бывает. Наоборот, бывает мало. Часто говорят, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. А у нас получается — лишь бы не думало. А подумать молодым людям есть о чем! Как бы вся их энергия в концерты не ушла.

И потом интересно проверить — все ли, кто тербит нынче гитары (которые почему-то висят ниже живота, и, кажется, вот-вот закончатся деторождением), умеют на них играть? Я не уверена. Кто-то, безусловно, умеет, но в целом в их профессионализм веришь слабо. Уж больно вкус убогий.

Почему-то когда на сцену выходит Польша или Элла Фицджеральд, я понимаю — это хорошо. И то, что «Битлз» — хорошо, простите меня, тоже видно. И Борис Гребенщиков хорош, и «Машина времени», и эстонский ансамбль «Апельсин». Они благородны и талантливы, в них чувствуется индивидуальность и видна красота. Они многое могут себе позволить на сцене, потому что имеют на это право. А когда какой-нибудь горе-певец измучился, сколько ему серег надеть и сколько косичек завязать, вместо того чтобы позаботиться об элементарном понимании исполняемого, то, простите. Вот тут недавно Александр Малинин пел «Ямщик, не гони лошадей». Поверьте, ни одна лошадь не вынесла бы такого ора. Лошадь — животное нервное. А

Мария Миронова:

Сов. культура. - 1989 - 8 марта. - с. 5

Все поправимо!

ведь то был грустнейший городской романс, это же такая щемящая русская лирика. Так зачем непременно кричать, показывая силу голоса, да еще в костюме тореадора. И опять-таки не понимаю я, почему мужчина обязательно должен походить на женщину?

— Но ведь в свое время многим казалось,

Честно говоря, необходимо в нелицеприятном разговоре о сегодняшней эстраде возникла давно. Причина тому, будем называть вещи своими именами, убогий вкус и резко упавший художественный уровень этого некогда процветавшего жанра. Начать же разговор в канун 8 Марта мы попросили старейшую эстрадного цеха Марию Владимировну Миронову. Кому-то, быть может, острота постановки проблемы покажется спорной, кто-то не согласится с резкостью ее оценок, но мы и не претендуем сегодня расставить все точки над i. Наоборот, спор начинается...

Итак, в нашем объективе — эстрада. Ее настоящее и ее будущее.

тивировали и эстраду. Ведь эстрада массовая, она обращена к самым простым людям, она не элитарна по своей природе. Это учили и использовали. И создавалась обратная связь — эстрада «воспитывала», а потом ее «воспитанники» начали требовать уже по своему разумению. И что в результате? В магазинах невозможно купить необходимых вещей, в аптеках горчичников нет, а Александр Масляков умиляется объему бедер и бюста у турчанки! Стыдно! Но все это лишь одна из причин. Другая — в потере компетентности. Ведь на эстраде, как и в любом другом деле, должен работать мастер. Мастер — большое и красивое слово, и мастерство, к сожалению, приходит с годами, да и то, как говорится, не ко всем. Добавлю, далеко не ко всем. Мастером нельзя добиться, если вы, конечно, не гений. У мастеров учатся, а вот это утеряно навсегда. Мастеров нынче как ножницами нарезают. Два раза показали по телевидению — уже лауреаты. Понимаете, уже лауреаты, уже мастера. Артисты не успевают побыть подмастерьями. И про себя начинают говорить так: «...я сейчас создаю новый диал или — хочу подарить зрителям свою новую песню». А вот на первом конкурсе артистов эстрады в 1937 году ни Райкин, ни тем более я первой премии не получили. Первая премия в нашем жанре осталась незанятой. Представляете себе? Была ответственность среди исполнителей и жюри. А жюри было «ого-го» — Утесов, Дунаевский, Ильинский... Как у Грибоедова — «а судьи кто?» — вот именно.

Помню, играла я такой номер: женщину спрашивают, кто она по профессии. Женщина отвечает, что она «мастер фуджественного шлова». Ее тогда опять спрашивают, дескать, вы что, где-нибудь учились? А она отвечает: «Зачем училась, я شما преподаю». Сегодня, мне кажется, происходит нечто похожее. Призадуматься бы некоторым педагогам — чему мы учим и имеем ли право учить.

Неладное что-то творится в нашем цехе. Как-то не так давно я сидела в комнате отдыха для артистов в Колонном зале. В том самом главном концертном зале Советского Союза где в 1927 году впервые вышла на

натурализма. В спектаклях моются, раздеваются, ругаются, но в один прекрасный момент приезжает Петер Штайн с театром из Западного Берлина, привозит русскую пьесу «Три сестры», и зритель замирает восхищенный. Оказывается, можно без всяких режиссерских фокусов и постановочных выкрутасов брать за сердце и волновать мысль. Немцы учат нас традиционному актерскому театру, учат, как читать русскую классику. Не странно ли это?

А, если честно, не хочу ходить в театр. Не хочу портить себе впечатление от того, что у меня было. Все-таки видела на сцене Станиславского, Михаила Чехова, Качалова, помню Вахтангова, знала даже Чаплина. Я не верю, что получу сегодня что-то лучше. Хочется оградить себя от отрицательных эмоций, у меня их слишком много. За пять лет потеряла мужа и сына, потеряла все. Потеряла фундамент, на котором стояла. Но мой сын был бы мной доволен. Я держусь. Мне говорят: я сильная. Какая я сильная? — у меня просто есть цель. Хочу дождаться книги об Андрюше.

— А вы не думали когда-нибудь снова вернуться на драматическую сцену?

— Вообще-то у нас с Александром Семеновичем Менакером и был драматический театр, только для двоих. Играли в нем оригинальные пьесы Володина, Зорина, играли классику. У нас работали все лучшие режиссеры, на премьеры рвалась вся Москва. Приглашали меня и другие театры. Помню, как-то Юрий Александрович Завадский предложил главную роль в «Госпоже министерше». Пьеса показывалась мне чересчур затянутой, и я отказалась. А вот когда он хотел поставить «Фальстафа» и позвал, я обрадовалась и ужасно волновалась — в пьесе всего три женские роли, и я мечтала лишь об одном, чтобы меня было видно рядом с Марецкой и Раневской.

Но зачем далеко ходить. Недавно театр «Современник» пригласил сыграть роль старой еврейки в «Эшелоне» М. Рошнина, они снимали свой спектакль на телевидении. Очень я нервничала, во-первых, играть пришлось после большого перерыва, а потом играла без грима, вот такая, какая есть, со своим русским лицом. Но вроде все нормально, получилось.

— И вы, и Александр Семенович по праву считались остроумнейшими людьми среди артистической Москвы, да и окружали вас люди не без юмора. Но судьбы тех, кого зрители принимали за безудержных остряков, складывались порой крайне драматично...

— Если не сказать трагично. А знаете, какой был самый несмешной вечер в моей жизни? Когда мы с Менакером поехали как-то в гости к Аркаше Райкину. Там сидели Николай Робертович Эрдман, Николай Павлович Акимов и Михаил Михайлович Зощенко. Можно сказать, самые смешные и остроумные люди того времени. Так вот, это оказался ужасно тихий и скучный вечер. Сидели, говорили о жизни, а жизнь шла не очень веселая. Продолжали травить Михаила Михайловича, и он сидел особенно печальный и задумчивый.

Какие смешные у Зощенко рассказы и какой это был душевный, деликатный и безумно ранимый человек. Кстати, Михаил Михайлович почти не писал для эстрады, он вообще не любил эстраду, а нам написал четыре миниатюры. И я горжусь тем, что дружила с ним и что он относился ко мне с уважением. Нас тоже начали травить за то, что мы играли его сценки. В Ленинграде просто и откровенно приказали убрать его имя с афиш. Они, видите ли, не хотели, «чтобы фамилия этого литературного подонка позорила стены города-героя». А мы продолжали играть. Нам звонили и из Москвы, убеждали не драгнить ленинградские власти. Мы ответили, что Зощенко наш друг, а друзей мы не предаем. Пришлось тогда брать бюджетные и уезжать.

До конца его дней мы считали своим долгом помогать Михаилу Михайловичу. Последнюю миниатюру «Не надо врать» Зощенко написал нам незадолго до смерти. Он по-прежнему нуждался и очень ждал нашего выступления с этой миниатюрой по радио. А передачу все время задерживали, откладывали эфир. Зощенко нервничал, написал нам письмо — читать его и сегодня страшно, оно написано умирающим человеком, почти без существительных, а эфир дали через час после его смерти. Александр Семенович позвонил обрадоваться, что передача сейчас состоится, но

писалась, а подписались практически на все, ну, правда, за исключением того, на что не подписались). А в основном концерты начинаются в семь, при том что работа заканчивается в шесть или в половине седьмого. Но надо же еще в магазин успеть, а в магазинах, сами понимаете, — либо нет ничего, либо очередь огромная. Авоськи в гардероб не принимают, вот наш зритель набегаются, в очередях нанервничается, потом придет на концерт, авоську в ноги поставит, чтобы колбасу не отняли, и смотрит на сцену. Разве это нормально?

И тем не менее и от зрителя можно и должно требовать. Что такое сцена? Площадка, расположенная выше зрительного зала. Значит, мы зрителя как бы поднимаем к себе, а не опускаемся к нему. Знаете, как руководящие товарищи говорят — народ это любит, это не любит. А то, что и человек с тремя классами образования, и академик Лихачев — один народ, об этом почему-то не задумываются. Не надо обижать людей.

— А вы считаете, современная эстрада обижает?

— Считаю. Вот недавно прочла, что в США 1.200 симфонических оркестров, а у нас чуть больше пятидесяти. Зато все наводнено похожими друг на друга рок-ансамблями. Или посмотрите на наших эстрадных певцов! До чего они однообразны, подражательны, безлики. Есть три, четыре, ну, пять индивидуальностей — не маловато ли? А ведь свой стиль должен иметь каждый исполнитель. Что такое эстрада? Прежде всего праздник индивидуальности. А наши певцы смотрят, смотрят изо всех сил, как у них на Западе. Какая там длина юбки, такая сразу у нас, если там лохматые, держитесь! — мы будем еще «лохматее». Но, главное, им хочется выглядеть непременно раскованными, хотя они плохо двигаются и раскованными быть не могут. Для того чтобы на сцене казаться свободным, надо, во-первых, двигаться идеально, а во-вторых, быть свободным внутри, от природы.

Но разве, допустим, Алла Пугачева не раскованна от природы?

— Пугачева и раскованна, и индивидуальность, и очень одаренный человек. Но ей в первую очередь не помешал бы наконец хороший режиссер. Вот когда бы она засверкала всерьез. Но, возможно, ей уже поздно иметь режиссера, потому что она — Пугачева. Хотя мое-то мнение — режиссера иметь никогда не поздно.

А вообще хочу высказать страшную, крамольную мысль: может, нашим артистам пора уже постричься и причесться?

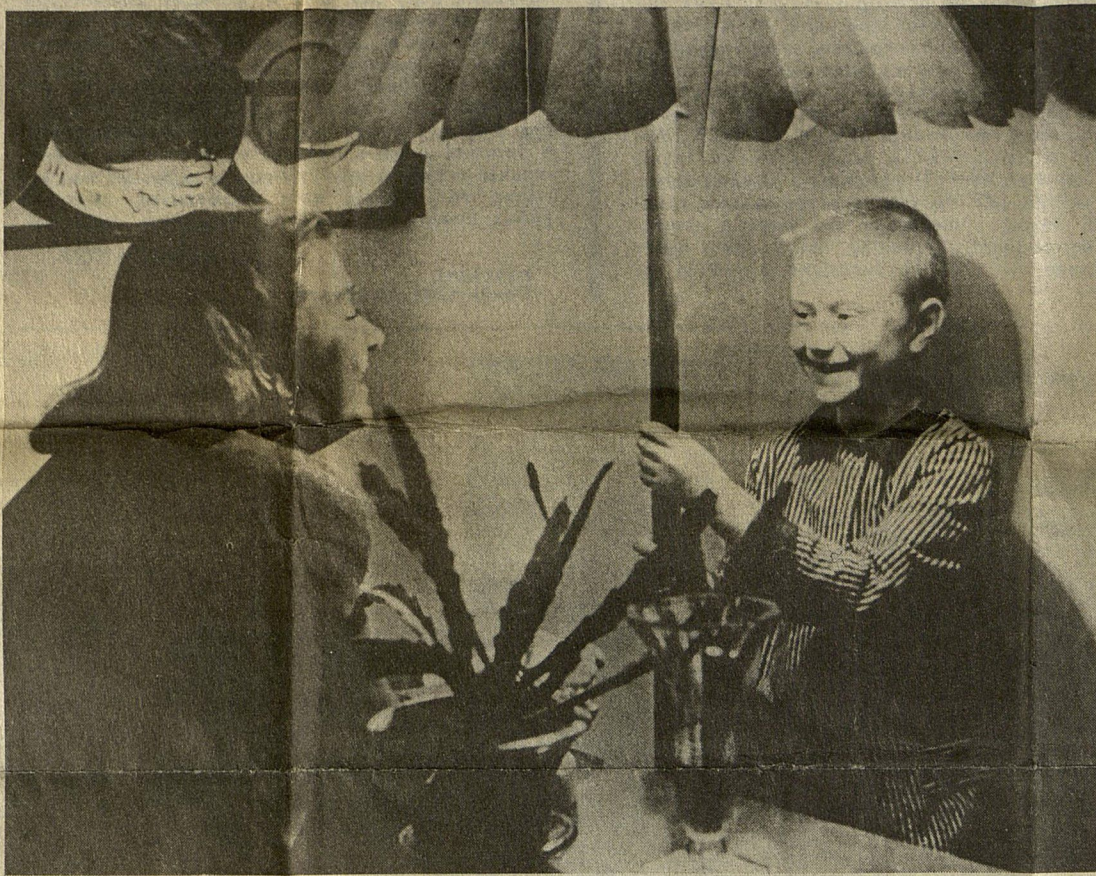
— Видимо, дело не только в том, чтобы постричься?

— Важно понять главное. Когда довелось мне побывать в Париже, то беседовала я с одной милой женщиной — кингинеи Трубецкой, она работала в фирме Кристиан Диор. И я ее спросила, для кого они выпускают такие редкие и такие дорогие модели? Она ответила просто: «Мы выпускаем в основном вариочки, силуэты, но если, допустим, в этом году фирма выпустила модели с рыжими мехами, а какой-нибудь даме не идет рыжий цвет, дама его никогда не наденет. Дама должна немножко отставать от моды. Не дама идет за модой, а мода приходит к даме».

Она права. Смотрю я на эстраду и могу с уверенностью сказать: свое лицо имеет Эдита Пьеха. Она такая и меняться не желает. Нравится она или не нравится, но она имеет свой стиль. Хотя все будут ходить лохматые или стриженные, юбки станут носить выше шее или вообще снимут, она останется в своих элегантных нарядах. А ведь могла бы, наверное, тоже выбежать в трико — у нее-то это лучше получится, чем у певиц, которых природа не наградила красивой фигурой.

Индивидуальность и Нани Брегвадзе. Она тоже выйдет элегантно. Старомодно? Пусть. В этом, уверяю вас, есть своя прелесть. Неужели не надоело все эти ультрасовременные крикуньи, которых и отличить-то очень сложно, ну, кроме тех, кто вообще сцену превратил в сумасшедший дом. Совсем припадочные выделяются, спорить не буду. Но разве заслуга выделяться таким образом? И разве не ус-

Все поправимо!

ведь то был грустнейший городской романс, это же такая щемящая русская лирика. Так зачем непременно кричать, показывая силу голоса, да еще в костюме тореадора. И опять-таки не понимаю я, почему мужчина обязательно должен походить на женщину?

— Но ведь в свое время многим казалось, что прекрасные песни Виноградова, Козина или Нечаева — это тоже всего лишь безыдейная пошлость, безвкусица?

— Вы правы, некоторым так казалось. Но больше в этом нас насильно убеждали. Только разве можно, прослушав вот такой, к примеру, куплет (я специально записала): «А счастье близко, счастье далеко. Его найти и трудно, и легко...», понять, за что же в таком случае ругали прекрасные песни «Давай пожмем друг другу руки», или «Саша, ты помнишь наши встречи» (эту особенно). Их и сравнивать нельзя! Или вот вчера по «Маяку» какой-то молодой человек скопцовым голосом выводил одну фразу: «Я жду почтальона». И это в течение пяти минут. Но что наиболее пикантно, песня исполнялась по просьбе слушателей. Но не всех же? Он ждет почтальона, но при чем здесь мы?

Я думаю, разница вот в чем — раньше в песенном жанре работало много настоящих профессиональных поэтов, поэтов-лириков. В песнях слышались верные фразы, они запоминались, а сами песни оживали, очеловечивались. А сейчас? Идет сплошной поток серых, бессмысленных словечек без мелодии и без смысла. Само понятие — поэт песни — ушло, а на его место пришло новое — автор слов. Но вообще-то вы абсолютно правы: про замечательные песни, имеющие и настроение, и мысль, говорили — безвкусица. Вот и договорились.

— Мы увлеклись песенным жанром, но эстрада — не только песни...

— Конечно Эстрада — очень объемное слово. У нее широкий фронт, и его не следует сужать до ансамблей. Кстати, и ансамбли существуют не только роковые. Хорошо, если бы об этом помнили и на телевидении с радью.

Когда-то на эстраде преобладал разговор-

ный жанр. Сейчас, на мой взгляд, он в полном упадке. Но знаете, что при этом удивляет — обилие читающих писателей. Это, как правило, очень самонадеянные люди. Писатели-сатирики, так они себя называют. Зачем? Либо вы писатель, либо нет. Гоголь или Щедрин — они что, сатирики?

Печальная ситуация сложилась с разговорным жанром, печальная, несмотря на то, что зал порой надывается от хохота. Молодые и немолдые люди рассказывают со сцены, как плохо мы живем (они-то, я думаю, живут неплохо), смакуя, какие мы все мерзавцы и дураки, а зал от смеха падает с кресел. Вот и вспоминаешь знаменитое гоголевское — над кем смеетесь?

Потом «зациклились» авторы на том, что нет колбасы, уперлись прямо в эту колбасу. Ну так нет ее! И обидно, что люди смеются над этим. Над этим плакать в пору. И вообще-то, я думаю, на жизнь нужно смотреть чуть шире, чем из колбасного отдела. Да и смех, он тоже разный бывает. Бывает издевательский, злой, мелкий. Но может быть и благородным, очистительным. Дай бог, чтобы я, ошибаясь, но, мне кажется, нынешние писатели издеваются над чем-то. Раньше они показывали кукиши в кармане, а теперь вроде как вынули их и нам показывают. Мне это обидно. Кому-то, может, все равно, а меня уже не переделяешь.

Из писателей, по-моему, имеет право выступать один Михаил Жванецкий. Потому что лучше, чем он сам, никто Жванецкого не прочтет. А главное, он больше, чем просто автор сатирических миниатюр. В чем-то он настоящий философ. Он видит дальше нас и лучше нас. А остальные хоть и уверены, что не хуже Жванецкого, но горько ошибаются. Любый приличный актер прочтет лучше и, возможно, благороднее. Сатира должна быть городской и гражданской. Вспомните, как держал себя Аркадий Райкин, как из концерта в концерт он нес людям свою главную идею — что мир в результате наших усилий должен стать лучше и добрее. Вот он обладал гражданской позицией и поэтому останется в памяти людей актером-гражданином. Его нет, и место его остается не занято... Вот хочу посмотреть новый спектакль Геннадия Хазанова. Верю в этого артиста, хотя думаю, что последнее время он не до конца использует свои возможности.

— Да, странная сложилась ситуация — на эстраде выступают авторы, а актеры увлеклись пародиями.

— Еще как увлеклись. Скоро и пародировать некого будет. Пародистов больше, чем пародируемых.

Только пародия, она тоже разная бывает. Если актер начинает пародировать какой-нибудь физический недостаток человека — это уже иначе называется, не буду говорить как. Меня просто поражает, как может прийти в голову идея изображать, допустим, хромоту Гердта. Зиновий Ефимович сам интересно выступал с пародиями на эстраде, но зачем сегодня смеяться над тем, что у человека несчастие с ногой. Гердт воевал, он был ранен, он полтора года валялся по госпиталям, но это еще не повод посмеяться! Или пародируют, как «смешно» заикается Сергей Михалков. Как же можно над этим смеяться? Такие пародисты не украшают наш жанр.

— Сегодня, кажется, эстрада теряет последних своих защитников. Но кризису предшествовала долгая болезнь, о которой говорили мало и неохотно. И уж совсем мало искались причины. А в чем видите причины сегодняшнего кризиса вы, Мария Владимировна?

— Есть такая поговорка — кто платит, тот и заказывает музыку. Какой культурный уровень народа хотели иметь, такого уровня куль-

тивировали и эстраду. Ведь эстрада массовая, она обращена к самым простым людям, она не элитарна по своей природе. Это учили и использовали. И создалась обратная связь — эстрада «воспитывала», а потом ее «воспитанники» начали требовать уже по своему разумению. И что в результате? В магазинах невозможно купить необходимых вещей, в аптеках горчичников нет, а Александр Масляков умиляется объему бедер и бюста у турчанки! Стыдно! Но все это лишь одна из причин. Другая — в потере компетентности. Ведь на эстраде, как и в любом другом деле, должен работать мастер. Мастер — большое и красивое слово, и мастерство, к сожалению, приходит с годами, да и то, как говорится, не ко всем. Добавлю, далеко не ко всем. Мастером нельзя родиться, если вы, конечно, не гений. У мастеров учатся, а вот это утеряно начисто. Мастеров нынче как ножницами нарезают. Два раза показали по телевидению — уже лауреаты. Понимаете, уже лауреаты, уже мастера. Артисты не успевают побыть подмастерьями. И про себя начинают говорить так: «...я сейчас создала новый цикл или — хочу подарить зрителям свою новую песню». А вот на первом конкурсе артистов эстрады в 1937 году ни Райкин, ни тем более я первой премии не получили. Первая премия в нашем жанре осталась незанятой. Представляете себе? Была ответственность среди исполнителей и жюри. А жюри было «ого-го» — Утесов, Дунаевский, Ильинский... Как у Грибоедова — «а судьи кто?» — вот именно.

Помню, играла я такой номер: женщину спрашивают, кто она по профессии. Женщина отвечает, что она «мастер фудожественного шлова». Ее тогда опять спрашивают, дескать, вы что, где-нибудь учились? А она отвечает: «Зачем училась, я сама преподаю». Сегодня, мне кажется, происходит нечто похожее. Призадуматься бы некоторым педагогам — чему мы учим и имеем ли право учить.

Неладное что-то творится в нашем цехе. Как-то не так давно я сидела в комнате отдыха для артистов в Колонном зале. В том самом главном концертном зале Советского Союза, где в 1927 году я впервые вышла на сцену. И вот сижу я в этой комнате и не могу понять, где я нахожусь. На автобазе или все-таки в концертном зале. Мои коллеги два часа вели разговор исключительно о покрышках, о распродажах, а у того, понимаю я, дворники «сперли», а этот гаишнику трешку дал, а этот номера особенные достал... Но, извините меня, когда раньше мы сидели в этой комнате вместе с Василием Ивановичем Качаловым, Надеждой Андреевной Обуховой, Владимиром Яковлевичем Хенкиным, молодым Давидом Ойстраком и другими выдающимися деятелями культуры, я себя в гараже не чувствовала. Я чувствовала себя среди людей искусства, и, кстати, зрители тоже чувствовали это.

Сейчас все стало немножко мельче и стяжательнее. Ведь как теперь говорят — не концерт, а норма, полторы нормы... Появился отвратительный жаргон: скандирка, обвал... Скандирка, например, это когда актер сам себе хлопает в такт музыки и заставляет весь зал хлопать. Раньше такого не было. Зрители хлопали, если считали нужным. Бывали и бурные аплодисменты, бывали и переходящие в овацию (что писали только о Сталине). Хорошим актерам хлопали от души. И это украшало эстраду. И еще украшало выступление на ней замечательных театральных мастеров, специально готовивших эстрадные номера.

— Можно вспомнить имена Москвина, Тарханова, Петкера, Абдулова, Блюменталь-Тамариной, Раневской...

— Конечно. Вы же понимаете, что такое дуэт Раневской и Абдулова. Эти артисты могли занять зрительское внимание. Сейчас хорошие театральные артисты тоже готовят специальные эстрадные концерты, но мысли их, по-моему, в основном заняты желанием сказочно обогатиться на этих концертах. Хотя, конечно, хороший актер и зарабатывать должен хорошо. Мой сын получал за концерт 18 рублей, а ведь когда он играл, то приходилось за час менять три рубашки. Андрей относился к выступлениям на эстраде чрезвычайно ответственно и не мог позволить себе расслабиться ни на минуту. Да, он вообще к возможности играть на сцене, приносить людям радость относился с удивительной трепетностью. И никогда не жаловался, что устают, что надоело. Он и сгорел, он и умер, как Мольер, на сцене...

— Если я не ошибаюсь, Мария Владимировна, вы ведь тоже начинали как драматическая актриса и лишь потом перешли на эстраду?

— Я закончила Театральный техникум имени А. В. Луначарского, училась у Бориса Васильевича Шуккина, а позже стала работать во МХАТе вторым. Все мы тогда были в восторге от Михаила Чехова, — я еще застала его на сцене (ах, какой это актер, сейчас даже трудно вообразить, что бывают такие гении). Нашими кумирами были актеры Вахтанговского театра, Художественного. Может, я ошибаюсь, но впечатление такое, будто раньше театры отличались друг от друга своими эстетическими программами: Художественный, Камерный, МХАТ второй, Театр имени Мейерхольда... А сейчас они все одинаковые. Вот разделили МХАТ, а зачем? Чем принципиально они стали различаться?

— Вы часто бываете в театрах?

— Последнее время реже. Скучно. Сцену захлестнула волна какого-то ложно понятого

после большого перерыва, а потом играла без грима, вот такая, какая есть, со своим русским лицом. Но вроде все нормально, получилось.

— И вы, и Александр Семенович по праву считались остроумнейшими людьми среди артистической Москвы, да и окружали вас люди не без юмора. Но судьбы тех, кого зрители принимали за безудержных остряков, складывались порой крайне драматично...

— Если не сказать трагично.

А знаете, какой был самый несмешной вечер в моей жизни? Когда мы с Менакером поехали как-то в гости к Аркаше Райкину. Там сидели Николай Робертович Эрдман, Николай Павлович Акимов и Михаил Михайлович Зощенко. Можно сказать, самые смешные и остроумные люди того времени. Так вот, это оказался ужасно тихий и скучный вечер. Сидели, говорили о жизни, а жизнь шла не очень веселая. Продолжали травить Михаила Михайловича, и он сидел особенно печальный и задумчивый.

Какие смешные у Зощенко рассказы и какой это был душевный, деликатный и безумно ранимый человек. Кстати, Михаил Михайлович почти не писал для эстрады, он вообще не любил эстраду, а нам написал четыре миниатюры. И я горжусь тем, что дружила с ним и что он относился ко мне с уважением. Нас тоже начали травить за то, что мы играли его скетчи. В Ленинграде просто и открыто приказали убрать его имя с афиш. Они, видите ли, не хотели, «чтобы фамилия этого литературного подонка позорила стены города-героя». А мы продолжали играть. Нам звонили и из Москвы, убеждали не драгнить ленинградские власти. Мы ответили, что Зощенко наш друг, а друзей мы не предаем. Пришлось тогда брать бюллетень и уезжать.

До конца его дней мы считали своим долгом помогать Михаилу Михайловичу. Последнюю миниатюру «Не надо врать» Зощенко написал нам незадолго до смерти. Он по-прежнему нуждался и очень ждал нашего выступления с этой миниатюрой по радио. А передачу все время задерживали, откладывали эфир. Зощенко нервничал, написал нам письмо — читать его и сегодня страшно, оно написано умирающим человеком, почти без словесных, а эфир дали через час после его смерти. Александр Семенович позвонил обрадованно, что передача сейчас состоится, но ответил — Зощенко только что умер.

Тяжелые воспоминания, но я пронесла их через всю жизнь. Хотела поделиться ими на телевидении — меня пригласили в новогородскую передачу рассказать о Зощенко, а получилось более чем странно. В студию, кроме меня, запустили целую толпу этих самых рок-музыкантов в кожаных куртках, фуражках, тельняшках, мужчины, естественно, все с косичками, серьгами, глаза накрашены. Вот расселись они вокруг, и появилась у меня ощущение, будто сельская учительница попала на какой-то шабаш, что на Лысой Горе... Во всяком случае впечатление, что им знакомо имя Зощенко, не возникало.

И тут мне говорят, пожалуйста, расскажите. Я, как дисциплинированный человек, надеваю очки, прочитываю письмо, все рассказываю. Потом очки снимаю, кладу их в очешник и, что бы вы думали, показали по телевидению? Только как я снимаю очки. Остальное вырезали. Мне позже знакомые удивленно говорили: «Как вы, Мария Владимировна, хорошо выглядели, только почему вы очки снимали? Вы ведь без очков были...» А могли бы с телевидения позвонить, звониться, объяснить. Не сочли нужным. Вдобавок, хорошему мы так непозволительно небрежны, так скупы и забывчивы, а в плохом последовательны и принципиальны, не знаем чувства меры.

— Кстати, о чувстве меры. Правда, что раньше функции «Союз-Рос-Москонцертов» выполнял всего один человек?

— Святая правда. Он еще и цирком заведовал и замечательно со всем справлялся. Звали его Александр Морисович Данкман. Компетентный был человек и ответственный. А нынче их там много, но разве может быть столько компетентных людей? Сомневаюсь.

Ох уж это наше чувство меры, а вернее, наша безмерность. Вот, оказывается, не нужно нам столько комбайнов, не нужно столько тракторов, не нужно столько галosh. Понимаете, не нужно всего того, что мы имеем много. И наоборот. Показывали как-то передачу про Астрахань. Я смотрела на огромного, толстого человека, замминистра, которому, похоже, было абсолютно безразлично, что гибнет Волга, что дети задыхаются от их химических комбинатов. Когда мне показали плавающую вверх брюхом рыбу, я захотела плакать. А им все равно. Как будто они не русские люди, как будто не их детям жить завтра на этой земле. Они берегут свои бездарные комбинаты и фабрики, пользы от которых народ пока что не ощущает, они трясущие над своим планом, а остальное вроде уже их и не касается... Страшно.

— Мария Владимировна, шестьдесят лет на сцене, шестьдесят лет бесперывного общения с людьми — срок немалый. Это позволяет задать вам последний, очень простой вопрос. Что вы называете искусством?

— Вопрос «простой», и ответу я просто. Это талант плюс чувство меры. Ну, талант, положим, от бога, а чувство меры все-таки в наших руках. Так что, будем надеяться, все в конце концов поправимо. И на сцене, и в жизни. Я так думаю.

Беседу вел
Ал. ГРИНЕВИЧ.

● Мария Миронова с сыном Андреем.
● На сцене М. Миронова и А. Менакер.
[Снимки из семейного архива].

